VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

П У Б Л И К А Ц И И

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ГОБИНД СИНГХ – АУРАНГЗЕБУ: ПЕРСИДСКИЕ ПОСЛАНИЯ СИКХСКОГО ГУРУ[1]

© 2013

К. А. ФУРСОВ

В экономической, политической, социальной жизни современной Индии весьма заметную роль играет религиозная община сикхов. Росла и ковалась она в жестком противостоянии со многими империями: Могольской, Дурранийской, Британской. Первым масштабным этапом борьбы сикхов за выживание был их вооруженный конфликт с Могольским султанатом на рубеже XVII–XVIII вв. В ходе этого конфликта десятый сикхский гуру Гобинд Сингх в 1705 г. отправил шаху Аурангзебу два послания в поэтической форме. В настоящей статье рассматриваются причины и цели написания этих сочинений, а также приведен составленный автором статьи их стихотворный перевод с фарси.

Ключевые слова: сикхи, религиозная община, власть, полития, Панджаб, Могольская империя.

В начале XVI в. в Панджабе возникла община *сикхов* (“учеников”) вероучителя Нанака (1469–1539). Появившись в качестве коллектива адептов формирующейся новой религии как сплава *индуизма* с *исламом*, сначала это была чисто религиозная община. Большинство ее членов составляли представители касты писцов и счетоводов *кхатри* и торговой касты *арора*. Сикхи почитали Нанака и его преемников-*гуру* как духовных наставников, но к концу столетия набрал обороты процесс превращения конфессиональной общины во властную организацию, в политию. С одной стороны, в *сикхизм* начали массово обращаться *джаты* – представители основной крестьянской касты Панджаба, а также члены низких каст. Через принятие сикхизма они намеревались повысить свой социальный статус (джатам импонировала и трудовая этика учения Нанака). С другой стороны, череда сикхских гуру стала превращаться в династию и по мере сплочения общины претендовать и на духовное влияние на ее членов, и на мирскую власть над ними (четвертый гуру Рам Дас был уже не только самым преданным учеником, но и зятем своего предшественника Амар Даса, а далее качество гуру – *гурта* – наследовалось от отца к сыну). Джаты и низкокастовые сикхи поддержали проснувшиеся притязания своих гуру на превращение в теократических князей, так как оно давало возможность дальнейшего повышения социального статуса им самим. В течение XVII в. в Панджабе шел процесс вызревания княжества сикхских гуру в недрах общеиндийского Могольского султаната (подробнее см.: [Фурсов, 2011, гл. II]).

Почти с самого начала этот процесс встретил противодействие со стороны имперской элиты, которая усмотрела в складывании новой политии неподалеку от Дели угрозу. При шестом гуру Харгобинде (гурта: 1606–1644) сикхи выдержали несколько сражений с имперской армией Шах Джахана. После этого наступило затишье, но, когда с середины XVII в. начался процесс распада Могольской империи, преемник Шах Джахана Аурангзеб (1658–1707) усмотрел в сикхах угрозу. В 1675 г., чтобы обезглавить их общину, он казнил девятого гуру Тег Бахадура (гурта: 1664–1675).

Однако дело казненного продолжил его сын Гобинд (гурта: 1675–1708). Его ставка Анандпур у подножия Шиваликских гор на севере Панджаба постепенно превращалась в столицу

[1] Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-93223к/К).

пусть пока территориально небольшого, но сильного княжества. Гобинд понимал, что по мере ослабления империи новые вооруженные столкновения с ней неизбежны. Поэтому он набирал войско и поощрял милитаризацию сикхской общины. Первым противником, с которым сикхи вступили в конфликт, были непосредственные соседи Анандпура – *раджи* горных индуистских княжеств Шивалика. Они опасались демократического потенциала сикхизма: эгалитарные идеи молодой религии нашли отклик у их низкокастовых подданных, а обращение последних в сикхизм автоматически означало смену и политической лояльности.

Нападения раджей сикхи обычно успешно отбивали, а в 1690-е гг. за сикхов вновь взялась империя. В 1699 г. в условиях беспрецедентного обострения вооруженного противостояния Гобинд провел социально-религиозную реформу: создал из своих приверженцев военизированное братство – *хальсу* (“общину чистых”). Гуру снабдил своих последователей и внешними атрибутами, по которым с того времени можно безошибочно отличить любого сикха. Это правило “пяти к” (ношение длинных волос и бороды, гребня в волосах, стального браслета, коротких штанов и кинжала), добавление к имени сикхов-мужчин элемента Сингх (“Лев”; сам Гобинд стал Гобинд Сингхом), а женщин – Каур (“Принцесса”), а также особый обряд принятия в хальсу – *кханде ди пахул* (“посвящение кинжалом”). Он заключается в том, что посвящаемый в присутствии пяти членов общины пьет подслащенную воду, размешанную стальным кинжалом под декламацию сочинений гуру. Продолжением реформы стала централизация власти гуру в общине путем устранения фигуры *масанда* – некогда его представителя в “филиалах” общины, который со временем сделался автономным крупным землевладельцем.

Создание хальсы сразу положительно сказалось на обороноспособности сикхов. В 1699–1704 гг. шиваликские раджи и Моголы несколько раз подступали к Анандпуру (один раз ненадолго заняли его), но всякий раз терпели поражение. Военные победы Гобинд Сингха подняли престиж хальсы, она пополнялась все новыми членами. Социально-экономической подоплекой подъема антиимперского движения сикхов (и не только их) было усиление земле(вла)дельческих групп, прежде всего джатов, в контексте подъема индийской экономики, условия для которого отчасти создала сама Могольская империя.

Наконец в 1704 г. к Анандпуру подступило сильное могольское войско под началом *фауджадара* (наместника) Сирхинда – Вазир-хана. Семь месяцев осады подорвали решимость многих осажденных сопротивляться. В декабре к Гобинду прибыл посланец самого шаха Аурангзеба, который обещал сикхам безопасный выезд из города: “Я поклялся на Коране, что не причиню тебе вреда. Если я это сделаю, да не найти мне места отныне у божьего престола! Прекрати войну и приезжай ко мне. Если не хочешь ехать сюда, езжай куда тебе угодно” [*Религия сикхов*, 1997, с. 258]. Гуру уговаривал своих людей потерпеть еще немного, так как из области Мальва двигалось подкрепление. Однако осажденные были доведены до крайней нужды и решили: если враг нарушит обещание, лучше погибнуть защищаясь, чем продолжать сидеть в городе, умирая от голода. Холодной ночью с 20 на 21 декабря 1704 г., в дождь, Гобинд Сингх с матерью, женой, четырьмя сыновьями и войском покинул Анандпур.

Моголы вероломно нарушили шахское обещание, догнав сикхов на берегу реки Сарсы. Много сикхов полегло в бою; жена гуру Сундари и женщина Сахиб Каур, которая считалась духовной матерью хальсы, переоделись крестьянками и бежали. Мать гуру с двумя его младшими сыновьями шести и восьми лет приютил бывший повар их семьи, после чего выдал их Вазир-хану, и мальчиков то ли замуровали, то ли обезглавили (их бабушка умерла от горя). Сам Гобинд Сингх, уходя от погони, укрылся с отрядом в 40 человек в небольшой глиняной крепости в местечке Чамкаур. Численно превосходящий могольский отряд осадил укрепление, спутники гуру совершали вылазки и гибли один за другим. В частности, приняли мученичество оба его старших сына. В живых с Гобиндом осталось всего пять сикхов. По легенде, они, поймав его на слове, вынесли решение, что сам он ради будущего хальсы обязан бежать. Гобинд не мог отказаться и, переодевшись, скрылся.

Остановившись в деревне Гхулал, Гобинд написал письмо Аурангзебу. Это было послание в стихотворной форме на *фарси* под названием “Фатехнама” – “Сказание о победе”. Оно представляет собой небольшую поэму объемом 24 двустишия – *бейта*. (Возможно, оно дошло не целиком.) Языком этого послания фарси был выбран не случайно: он служил официальным языком общения при дворе султаната, языком делопроизводства и летописей еще с XIII в. Посылая шаху письмо на фарси в стихах, Гобинд Сингх демонстрировал, что к нему обращается представитель господствующего слоя империи.

“Фатехнама” начинается с прославления бога, причем в его воинственном проявлении (бейт 1). Бейты 2–3 посвящены теме божьего покровительства Гобинду, за чем следует обвинение Аурангзеба в двуличии (бейты 4–6). Гуру припоминает шаху бесчестное начало его правления – заточение отца, Шах Джахана, и расправу над братьями – принцами Дарой Шукохом и Мурадом (бейты 7–8). Затем Гобинд образно напоминает о создании им хальсы и недвусмысленно угрожает Аурангзебу полным уничтожением его султаната (бейты 9–10). В бейте 11 гуру обидно издевается над военными неудачами шаха как на Декане в войне с *маратхами*, так и в Раджпутане, после чего предупреждает, что в Панджабе его ждет то же самое (бейты 12–13). Он припоминает адресату гибель своих старших сыновей и грозит отомстить (бейты 14–15). Исходя из горького опыта, Гобинд обвиняет Аурангзеба в нарушении клятвы на Коране: имеется в виду заверение, будто сикхи могли покинуть Анандпур без опасений (бейт 16). Гуру выражает уверенность в своем праве прибегнуть к оружию, если исчерпаны все прочие средства (бейт 17). Шаха он сравнивает с коварной лисой, а себя – со львом (бейт 18). Завершается “Фатехнама” призывом выяснить отношения в решающем сражении сикхов с имперским войском (бейты 19–24). При этом Гобинд пытается вывести Аурангзеба из себя, обвиняя в личной трусости (бейт 23)[2].

ФАТЕХНАМА[3]

1. Во имя всевышнего лишь одного.
И сабля, и щит – проявленья его.
2. Бог с теми, кто крепко испытан в боях,
Кто гордо летит на своих лошадях.
3. Тот бог, что тебе шаха власть даровал,
Мне веру свою защищать наказал.
4. Двуличье, коварство – оружье твое.
Кристальная правда – оружье мое.
5. И имя твое, шах, тебе не идет:
Ведь “трона краса” на обман не пойдет[4].
6. А четки твои – только кости и нить,
С их помощью хочешь в капкан ты словить.
7. Отца заточил ты и братьев убил –
Бесчестье навлек и себя погубил.
8. Правленье начав свое с этих злых дел,
В строительстве царства ты не преуспел.
9. По милости божьей, окончив труды,
Обрушу я ливень железной воды[5].
10. На чистой земле нашей эта вода
От царства того не оставит следа.
11. Декан твою жажду, шах, не утолил.
В Меваре ты горькую чашу испил[6].
12. Сюда ныне взор обратил ты, но тут
Те жажда и горечь опять тебя ждут.
13. Тебе я раздую здесь пламя беды.
Испить не позволю Панджаба воды.
14. Ну что ж, что шакал, кто добро невзлюбил,
Двуличным коварством двух львят погубил?[7]

[2] Справедливости ради надо отметить, что Аурангзебу на момент написания “Фатехнамы” было 86 лет, в то время как вызывавшему его на поединок Гобинд Сингху – 38.

[3] Перевод с фарси мой. – *К.Ф.*

[4] *Аурангзеб* на фарси означает “украшение трона”.

[5] Метафора: под “железной водой” Гобинд имеет в виду свою хальсу, в ряды которой он принимал сикхов с помощью обряда кханде ди пахул – размешивая воду стальным кинжалом.

[6] Гобинд издевается над неспособностью Аурангзеба подавить движение маратхов и восстание крупнейшего княжества Раджпутаны – Мевара.

[7] Гобинд имеет в виду двух старших сыновей, погибших в Чамкауре; в момент написания “Фатехнамы” он еще не знал, что оба младших тоже мертвы.

15. Ведь жив лев свирепый – в укрытьи сидит;
Жестоко за них он тебе отомстит.
16. И клятве Аллахом, что часто слышна,
Не верю – известна теперь мне цена.
17. Причин больше нет мне тебе доверять.
Осталось мне ныне лишь саблю поднять.
18. Со старой лисой пришлось дело иметь.
Но льва не завлечь ей в коварную сеть.
19. Коль хочешь открыто в глаза мне взглянуть,
Тебе покажу я прямой верный путь.
20. Пусть станут два воинства строем таким,
Окинуть друг друга чтоб взором одним.
21. И вот поле брани: устроить его,
Чтоб было меж войск два фарсанга[8] всего.
22. И здесь, меж двух войск, я, готовый к борьбе,
С двумя молодцами подъеду к тебе.
23. В богатстве своем ты купаться привык,
От ратного дела, как видно, отвык.
24. Топор взяв и саблю, на брань ты ступай,
А божьи создания не притесняй.

Целью Гобинда при написании столь резкого письма было побудить шаха поскорее решить затянувшийся конфликт.

С посланием “Фатехнама” отправился в неблизкий путь на Декан, в шахскую ставку в Аурангабаде, сикх Дайя Сингх. Гобинд продолжил скитаться по Панджабу, найдя убежище в лесу Лакхи – “Ста тысяч [деревьев]” на берегу Сатледжа. Это были настоящие джунгли, которые издавна служили убежищем для людей, по какой-то причине не поладивших с властями. Тут до него дошла весть о мученичестве его младших сыновей и смерти матери.

В марте 1705 г. Гобинд остановился в селении Дина. Здесь его нашел вернувшийся от Аурангзеба Дайя Сингх. Он благополучно доставил послание адресату и теперь сообщил гуру, что тот выразил сожаление и раскаяние по поводу своего клятвопреступления. Более того, с Дайя Сингхом приехали два посланца от Аурангзеба: шах приглашал гуру на переговоры. Нетрудно догадаться, что Гобинд не принял приглашения: он хорошо усвоил цену могольским обещаниям. Однако, поразмыслив, гуру понял, что примирение стало бы выходом из тупика, и из Дины написал Аурангзебу еще одно стихотворное послание на фарси. Оно носит название “Зафарнама”, которое тоже переводится как “Сказание о победе”. Эта поэма намного длиннее, состоит из 111 бейтов. (Возможно, она тоже дошла не целиком и конец утерян.) В “Зафарнаме” Гобинд развивает темы, поднятые в “Фатехнаме”, но основная мысль уже противоположная – готовность к примирению.

Две главные темы “Зафарнамы” – вероломство Аурангзеба и неуязвимость Гобинд Сингха. Поэма начинается с длительного восхваления бога (бейты 1–12). Затем гуру обвиняет шаха в том, что тот нарушил обещание безопасности, данное сикхам при их уходе из Анандпура (бейты 13–15). Прибегая к метафорам, Гобинд заверяет Аурангзеба, что ему помогает сам бог, поэтому любые происки врагов, включая такое вероломство, бессильны (бейты 16–17, 43–44). Гуру снимает с себя всю ответственность за военное столкновение сикхов с империей, вновь заявляя, что сабля – это крайнее средство разрешения конфликтов (бейты 21–22). Аурангзеба он опять сравнивает с коварной лисой (бейт 24). Затем следует описание сражения в Чамкауре (бейты 26–42). По красочному и детальному изложению видно, что гуру привык к сочинению стихов на батальную тематику. Гобинд, мастерски владея не только луком, но и пером, уже написал таких произведений немало (поэма “Чанди ди вар” о подвигах богини войны и др.).

Окончив описание битвы, Гобинд возвращается к обвинению в вероломстве, отказывая Аурангзебу в праве называться истинным мусульманином: ведь, нарушив клятву на Коране, тот по сути не почитает ни Аллаха, ни Мухаммада (бейты 45–49). В этом Гобинд продолжает мысль основателя сикхизма гуру Нанака, утверждавшего, что люди в его эпоху отошли от предписаний собственной религии. Однако вслед за этим гуру заверяет шаха, что не все потеряно, доверие можно восстановить, если тот совершит акт доброй воли и прибудет на встречу с ним сам

[8] *Фарсанг* – персидская мера длины, равная 6 км.

(бейт 50–56, 58–60, 64). Гобинд заявляет и подчеркивает, что если и приедет к шаху, то не по его приказу, а лишь по приказу бога (бейты 62–63, 88). Затем гуру переходит к обвинению шаха в гнете, в частности в религиозных гонениях (бейты 67–69). Гобинд призывает Аурангзеба бояться бога (бейты 70, 81–82, 86), вновь воздает хвалу богу (бейты 70–75), предупреждает шаха, что сикхи вовсе не сломлены, напоминает, что попытки Моголов подавить их движение оказались тщетны (бейты 78–80). Это перемежается новыми увещеваниями выполнить обещанное (бейты 76–77, 83–84). Затем Гобинд переходит к... восхвалению Аурангзеба как почти идеального правителя (бейты 89–94). Гуру пытается несколько смягчить этим негативный эффект от изложенной выше острой критики, показывая, что открыт мирным переговорам. Это контрастирует с обвинением шаха в трусости в конце “Фатехнамы”: цель у “Зафарнамы” противоположная, поэтому стоит задача немного расположить адресата к себе. Вместе с тем Гобинд вновь указывает на несоответствие деяний шаха предписаниям ислама (бейт 94).

Из конечных бейтов особенно интересен бейт 95: упоминая о горцах-идолопоклонниках, которых он “поверг во прах”, Гобинд имеет в виду свои многочисленные победы над индуистскими раджами Шивалика. Хотя его войны с ними вовсе не были религиозными, упоминает он свою борьбу с ними скорее всего с целью подчеркнуть то общее, что есть у сикхов с мусульманами, напомнить шаху, что сикхизм – такая же монотеистическая религия, как ислам.

Завершается поэма (бейты 96–111) вновь темой полной неуязвимости Гобинд Сингха, ниспосланной свыше. На опыте своего спасения из окружения в Анандпуре и особенно Чамкауре Гобинд внушает Аурангзебу идею, согласно которой от земных врагов его защищает сам бог, поэтому любые попытки причинить ему вред были и будут бесполезны.

ЗАФАРНАМА[9]

1. Всевышний создатель – владыка небес.
   Себя он являет посредством чудес.
2. Дарует он мир, по пути нас ведет.
   Прощает грехи, хлеб насущный дает.
3. Владыка владык он и всеми любим.
   Он форм не имеет, ни с чем не сравним.
4. Ни злато, ни сокол[10] ему не нужны.
   Дарует услады небесной страны.
5. Весь мир ниже Чистого, он вездесущ.
   Дарует он блага нам и всемогущ.
6. Даритель он благ и пречистый творец,
   Ко всем милосердный владыка сердец.
7. Велик он и славен, над миром царит.
   Спасает от глада, прощенье дарит.
8. Убогих и бедных готов он любить.
   А злых и неверных намерен губить.
9. Добра он на страже, вершит правый суд.
   Пророком писанья его все зовут.
10. Всеведущ и мудр он, господь всемогущ.
    Он истину знает, господь вездесущ.
11. Кто мир так же знает? Ведь нет никого.
    Господь наш – причина движенья его.
12. Все вещи он создал, он двигает мир.
    Его он творец, и господь, и кумир.
13. Не верю я клятве, что ты мне сказал,
    В свидетели коей ты бога призвал.
14. Обман и лукавство нам ясно видны.
    Бахши и диваны[11] твои – все лгуны.

---

[9] Перевод с фарси мой. – *К.Ф.*

[10] Охотничий сокол служил символом монаршей власти. Не случайно гуру Харгобинда и Гобинд Сингха часто изображают с соколом на руке.

[11] *Бахши* – могольский военный казначей и глава разведки; *диван* – могольский сборщик налогов и судья.

15. И тот, кто считает: “шах клятву блюдет”,
В конце непременно несчастье найдет.
16. Когда ж на кого ляжет феникса тень,
Вреда ему вовсе не будет в тот день.
17. И если у льва за спиной он сидит,
Никто и никак ему не навредит.
18. А если б тебя ложной клятвой провел,
То войско свое я б к беде не привел.
19. Что сорок голодных поделать могли,
Когда десять лакхов[12] внезапно пришли?
20. На нас вероломно напали враги.
За тучами стрел их не видно ни зги.
21. Я вышел на брань, коли выбора нет.
Но выйдя, имел я и лук, и совет.
22. Лишь если другое не сможет помочь,
Позволено саблей врага превозмочь.
23. Не верил обету – и вывел я рать.
Не так? Что ж, попробуй причину назвать[13].
24. Не знал, что по-лисьи коварен был враг.
Иначе б сюда не ступил ни на шаг[14].
25. Кто клятве поверил на книге святой,
То подло того попрекать прямотой.
26. Все в черном, враги, исступленно крича,
Набросились, как на поля – саранча.
27. И каждый, кто выйти за стену дерзнул,
Стрелу получил и в крови утонул.
28. Средь них кто за стену тогда не ступил,
Смертельных тот ран в бою не получил.
29. За стену Нахар[15] вышел, кинулся в бой,
Сражен был тотчас он моею стрелой.
30. Умели афганцы пустое болтать.
Дошло как до боя, пустились бежать.
31. Но ринулось много других сей же час –
То смерти лавина катилась на нас.
32. Отбить нам пришлось слишком много атак.
То в здравом уме, то в безумье был враг.
33. Напавшие жизни лишили двоих,
Но много меж тем потеряли своих.
34. Проклятый Хваджá[16] так в тени и сидел.
Меж храбрыми быть – не его, знать, удел.
35. В бою я его и не видел лица.
Стрелой бы одной умертвил подлеца.
36. С обеих сторон полегли храбрецы.
От луков и пуль смерть приняли бойцы.
37. Земля в том сражении худа с добром
Покрылась вся будто тюльпанов ковром.
38. Обрубки их тел разбросал ураган.
Как будто то клюшки игры в *чоуган*[17].

---

[12] *Лакх* – число 100 тыс. в индийской математической системе.

[13] Гобинд объясняет, что сикхи продолжают сопротивление из-за вероломства Аурангзеба, и предлагает ему попытаться найти их сопротивлению какое-то другое объяснение.

[14] Гобинд имеет в виду то, что он поверил Моголам и оставил Анандпур.

[15] Один из могольских военачальников Нахар-хан, который пытался возглавить приступ и был застрелен Гобиндом лично.

[16] Имя могольского военачальника.

[17] Персидский вариант игры в поло.

39. Жужжание луков, и пение стрел,
И клич боевой, что по полю звенел.
40. Стрел ливень ужасный поля обагрял,
Храбрейший из храбрых рассудок терял.
41. Те сорок мужей что могли совершить,
Коль враг был намерен числом сокрушить?
42. Свет мира сокрылся, что царствует днем.
Поднялся царь мрака в величьи своем.
43. Кто клятве Кораном поверить готов,
Путь верный тому бог укажет без слов.
44. Ни раны единой я там не понес.
Бог вывел оттуда, победу принес[18].
45. Не ведал, что шах этот – ру́шитель клятв[19].
Что веру не чтит – лишь поклонник богатств.
46. Ислама не чтишь ни в уме, ни в делах.
Тебе не указ ни пророк, ни Аллах.
47. Кто веру намерен свою почитать,
Тот данное слово привычен держать.
48. Коран и Аллаха в свидетели взял –
Но нет тебе веры в том, что́ обещал.
49. Сто раз на Коране дашь клятву ты мне –
И то не поверю я в этой войне.
50. Но если б ко мне ты доверье питал,
Решил[20] бы приехать сам, как обещал.
51. Тебе подобает то слово держать.
Аллаха призвал ты, чтоб клятву мне дать.
52. Твой личный приезд все давно б разрешил
И все положенье давно б прояснил.
53. Тебе подобает свершить, что сказал,
И выполнить то, что в письме написал.
54. Посланье дошло и в письме, и в устах:
Свершить должен ты, что осталось в мечтах.
55. Нельзя, чтобы верить тебе не пришлось,
Чтоб с действием слово твое разошлось.
56. Не против того я, что кази сказал[21].
Коль искренен ты, то прибудь – обещал!
57. Могу я тебе передать тот Коран,
Где в виде обета записан обман[22].
58. Деревню Кангар[23] ты мою посети,
Возможна нам встреча на этом пути.
59. Ко мне в мой Бирар ты без страха прибудь:
Подвластен народ здешний мне, не забудь[24].
60. О встрече, нам нужной, тебе говорю.
На встрече к тебе милосердье явлю.
61. Писал ты мне: “Ценную лошадь отдай –
И все эти земли себе забирай”.

---

[18] Гобинд имеет в виду свое спасение из окружения в Чамкауре.

[19] Аурангзеб.

[20] В оригинале *kamar baste* – дословно “подпоясавшись”, а в переносном смысле “решившись на что-то” или “приступив к чему-то”.

[21] По-видимому, это один из приехавших с Дайя Сингхом шахских посланцев.

[22] Гобинд говорит об экземпляре Корана, на чистых страницах которого было записано обещание беспрепятственного прохода для сикхов (записать какие-то обещания в Коране значило поклясться священной книгой).

[23] Деревня близ селения Дина; после отправки “Зафарнамы” Гобинд перебрался туда и пробыл там несколько дней.

[24] Область расселения племенной общности *браров* – части касты джатов.

62. Всевышний владыка лишь – мой господин.
Велеть мне приехать[25] он может один.
63. Лишь если от бога придет мне наказ,
То в ставку твою я прибуду тотчас.
64. А если действительно бога ты чтишь,
На встречу со мной скоро сам поспешишь.
65. Тебе надлежит добрым, праведным стать
И вовсе не надо народ угнетать.
66. По милости бога ты сел на *маснад*[26] –
Твои ж справедливость и вера дивят.
67. Ты править привык, полагаясь на плеть.
И власть твою надо сто раз пожалеть.
68. Указы о вере твои нас дивят:
Ведь ложью своею они навредят.
69. Пощады не зная, лить кровь прекрати –
От божья меча ведь тебе не уйти.
70. Побойся ты бога – тебе мой совет:
От нас в восхваленьи нужды ему нет.
71. Наш бог всемогущ, и не знает он страх,
Он истинный царь на земле, в небесах.
72. Людей сотворил и жилище им дал.
Он жизнь и питание нам ниспослал.
73. Слона, муравья, всех существ он создал.
Он слабых жалеет, неверных попрал.
74. "Жалеющий слабых" прозванье его.
Не ищет хвалы и не ждет ничего.
75. Он форм никаких не имеет ничуть.
Всеведущий мудро покажет нам путь.
76. И мне на Коране ведь слово ты дал,
Сдержи же, сверши, что тогда обещал.
77. Тебе надо к мудрости путь отыскать
И выполнить то, что успел ты начать.
78. Убил всех детей ты, гонясь за отцом;
Цела та змея, что свернулась кольцом.
79. Чего ж в том, что несколько искр погасил?
Скорее ведь масла ты в пламя подлил.
80. Как точно изрек автор "Книги царей"[27]:
"Бесовское – делать дела поскорей".
81. Когда нам черед пред всевышним предстать,
Придется тебе там свидетелем стать.
82. Забудешь ты это, себя лишь любя, –
За это всевышний забудет тебя.
83. Не поздно еще свою клятву сдержать,
Бог милостив, знает, кого награждать.
84. И будет ведь то благочестью сродни –
В познании бога вести свои дни.
85. Пока же ты в этом едва ль преуспел –
Ведь ты совершил слишком много злых дел.
86. Тебя милосердный не хочет принять –
Пускай горы злата успел ты собрать.
87. Пускай на Коране поклялся сто раз,
Не верю тебе я ни капли сейчас.

---

[25] К Аурангзебу.
[26] Подушка, которую индийские правители использовали как трон.
[27] В оригинале "сладкоречивый Фирдоуси" (*Firdousī-ye khūsh zabān*), но для рифмы я упоминаю о поэте иносказательно – как об авторе эпоса "Шахнаме".

88. Меня ко двору своему ты не жди –
И шага не будет на этом пути.
89. Счастли́в и велик Аламгир шаханшах[28]
Искусен в седле он и в ратных делах[29].
90. Он мудр и прекрасен и светел душой,
Он полный владыка над всею страной.
91. Он подданным всем пропитанье дарит.
Посредством меча он с врагом говорит[30].
92. Способен он светлой душой озарять,
Богатством своим всех готов оделять.
93. В бою как скала, чистый ангельский лик,
Ода́рен судьбой, как Плеяды велик.
94. Могуч и силен Аламгир *шаханшах*.
От веры, однако ж, далек он в делах.
95. Кто идолов чтя, проживают в горах.
Немало таких ведь поверг я во прах.
96. На бренного мира вращенье взгляни.
Способен он сделать несчастными дни.
97. Мощь бога пречистого всех поразит:
Одним десять лакхов легко он сразит[31].
98. Какой же ущерб ему враг причинит,
Коль мудрый господь ему милость дарит?
99. Готов бог спасать нас и путь указать,
Позволил нам всем он его воспевать.
100. Господь всемогущий врага ослепит,
Надежно и верно сирот охранит.
101. И благо, и милость готов он найти
К тому, кто идет по прямому пути.
102. Душою и сердцем кто предан ему,
Тому он не даст погрузиться во тьму.
103. Кто здесь человека обманом взять мог,
Которого ныне спасает сам бог?
104. Пускай и сто тысяч тут на одного –
Творец защитит, охранит он его.
105. Опора твоя – горы злата и рать,
Опора моя же – творца благодать.
106. Гордишься ты властью и златом своим,
А я силен верой и богом одним.
107. Лишаясь со временем бренности пут,
Идут поколенья, сменяясь – идут.
108. Ты бренного мира вращенье узри,
Как попрана святость жилища, смотри.
109. Не следует слабых тебе угнетать
И клятв вероломных другим раздавать.
110. Когда сам господь[32] вместе с тем, кто гоним,
Тогда даже сотня не справится с ним.
111. Пускай тех врагов как в пустыне песка –
С его головы не падет волоска.

---

[28] В оригинале “Аурангзеб”, но в стихотворном переводе это имя трудно “внедрить” в строчку, поэтому я заменил его тронным именем шаха – Аламгир. *Шаханшах* – “царь царей” (перс.).

[29] С этого двустишия Гобинд, не теряя надежды на примирение, переходит к восхвалению Аурангзеба без всякой меры. Впрочем, сделаем поправку на цветистость придворных панегириков Востока.

[30] Дословно “владыка котла и владыка сабли” (*khudāvand-i deg o khudāvand-i tegh*).

[31] Т.е. один человек, если с ним бог, способен победить миллион врагов. Правда, явное противоречие с бейтом 19.

[32] В оригинале арабское слово *haqq* “истина”.

"Не в силе бог, а в правде", – пытается донести Гобинд до Аурангзеба нехитрую мысль.

"Зафарнама" – любопытный в индийской истории пример того, что в современном военном искусстве называется психологической войной/борьбой: психологическое воздействие на противника для достижения определенных целей (в том числе с помощью особым образом составленных текстов). Несмотря на некоторую бессистемность своего послания, Гобинд четко доносит до адресата мысль: Аурангзебу надо прекратить войну с сикхами и договориться с ними. Неоднократное повторение тезиса о необходимости для шаха выполнить-таки обещанное в сочетании с тезисом о полном иммунитете гуру перед любыми происками призвано усилить создаваемое впечатление. Словно предвосхищая методы информационно-психологической войны двух крупнейших теоретиков пропаганды XX в. немцев Э. Дофифата и О. Грота – методы умственного упрощения, вдалбливающего повторения и эмоционального нагнетания, Гобинд пытается "вдолбить" Аурангзебу мысль об отсутствии альтернативы. На усиление эффекта рассчитано и длительное восхваление бога, на которое не скупится автор, – чем более могущественным он представляет адресату бога, тем более защищенным тот станет воспринимать самого Гобинда, пользующегося его полной поддержкой.

И тон обеих поэм Гобинда, и само их название говорят о том, что моральный дух сикхского гуру был по-прежнему высок. Несмотря на почти безвыходное положение Гобинда, который после Чамкаура подвергся травле как дикий зверь и был вынужден постоянно перемещаться и скрываться, оба свои послания шаху он гордо озаглавил "Сказание о победе". Можно подумать, будто автор – не разбитый и преследуемый мелкий правитель, всего лишь за несколько дней потерявший столицу, войско, мать и всех четырех сыновей, а триумфатор, диктующий свои условия побежденному. Гобинд делал хорошую мину при плохой игре, и довольно искусно. Впрочем, поражение хальсы было временным, и ее создатель искренне верил в ее мощный скрытый потенциал.

Гуру не ошибался.

И все же несоответствие тона обращений к шаху печальному положению дел иногда прорывается в тексте "Зафарнамы" наружу. Текст ее, надо признать, не лишен противоречий. С одной стороны, Гобинд внушает адресату мысль о непобедимости человека, пользующегося божьей помощью, даже перед лицом десяти лакхов врагов (конечно, такое число – ради красного словца) (бейт 97); с другой стороны, он пишет о бессилии своего отряда, когда тот попал в окружение столь же несметной рати (бейт 19). С одной стороны, Гобинд призывает выполнить обещание: лучше поздно, чем никогда (бейты 50–56), с другой – утверждает, что больше не верит Аурангзебу как клятвопреступнику (бейты 13, 15 и особенно 49 и 87). Это некоторое метание автора вполне понятно и отражает душевные потрясения, которые ему довелось пережить, да еще за столь короткий отрезок времени.

Как и "Фатехнама", "Зафарнама" Гобинд Сингха – не только литературное произведение, но и ценный исторический источник. Ее правомерно рассматривать как программный документ хальсы в начальный период ее существования. По сути, "Зафарнама" – политический манифест десятого гуру, в котором тот выражает свои взгляды на должный характер отношений сикхского княжества с Могольской империей. Гобинд настаивает на автономии своей общины внутри султаната – на относительной политической и абсолютной религиозной самостоятельности. Определенной автономией сикхи как религиозная община и возникающая полития пользовались и прежде, но Гобинд требует большего. Границы автономии он раздвигает достаточно широко – иначе б не писал, что один бог вправе приказывать ему, к кому и когда ехать. Так в религиозной форме Гобинд утверждает политическую самостоятельность своего княжества, причем она уже граничит с независимостью.

И все же это еще автономия: сам факт возможного примирения говорит о готовности гуру по-прежнему признавать верховную власть империи, существовать под ее эгидой. Еще в автобиографии Гобинда 1692 г. *Бачитар натак* ("Пестрая драма") есть такие строки:

И Бабу, и Бабара бог наш создал.
Преемников каждому он даровал.
Духовным царем одного почитай.
Мирским же владыкой другого признай[33].

Под Бабой ("отцом", т.е. вероучителем) имеется в виду гуру Нанак; Бабар – вариант имени Бабура, основателя Могольского султаната (1526–1530). Гобинд хотел сказать, что и у основате-

[33] Перевод с панджаби мой. – *К.Ф.*

ля сикхизма, и у могольских шахов власть от бога, только принципиально разная. Богу богово, кесарю кесарево. Здесь уместно сказать несколько слов о характере индийской политии доколониальной эпохи (у политий с разной религиозной принадлежностью господствующего слоя этот характер был примерно одинаковым).

У американского индолога Бертона Стайна (1926–1996) есть любопытная концепция “сегментного государства” (термин он заимствовал у африканиста А. Саутхолла). Согласно этой концепции, индийские политии (Б. Стайн пользовался и этим термином) не были ни унитарными структурами с четкой территорией и централизованной системой управления, ни структурами, основанными на политических связях (Б. Стайн называл их “феодальными” в кавычках, хотя включает в их число и средневековые политии Франции и Англии). “Сегментное государство” – это такая полития, в которой существует много центров власти; власть распределена между многими представителями знати, но верховная власть принадлежит одному монарху; все многочисленные центры власти имеют автономные системы управления и принуждения; политические центры более низких уровней признают (часто в ритуальной форме) существование одного ритуального центра и монарха-помазанника [Stein, 1998, p. 20].

Концепция Б. Стайна достаточно хорошо объясняет природу традиционных индийских политий вообще и Могольского султаната в частности с его множеством полусамостоятельных наместников разного уровня, не говоря уже о зависимых княжествах. Такими княжествами в числе прочих были владения горных раджей Шивалика. С конца XVI в. в такое же княжество начала превращаться община сикхов во главе со своими гуру. Эти политии признавали верховную власть империи, хотя их отношения с центром к концу XVII в. становились все более натянутыми. До XVIII в. сикхских теократических княжеств было несколько – по числу параллельных гуру, поскольку каждый раз при наследовании гурта находился недовольный сын умершего гуру, который объявлял преемником себя, и часть общины шла за ним. Однако благодаря тому, что Гобинд организовал общину на сопротивление внешнему врагу – раджам и Моголам, именно линию Рам Даса – Гобинд Сингха стали признавать истинными гуру большинство сикхов.

Учитывая многоуровневую структуру индийских (и не только) империй доколониальной эпохи, а также патримониальный характер власти на каждом уровне, для обозначения таких империй я предлагаю термин “патримония-матрешка”. Имперская (в данном случае могольская) структура включала в себя ряд менее крупных властных образований, каждое из них, в свою очередь, – ряд еще менее крупных и так далее, причем по принципу *фрактала*: характер власти и структура управления в каждой патримонии составной империи были практически идентичными. Гобинд Сингх был согласен существовать в такой империи-матрешке как правитель теократического сикхского княжества – при условии широкой автономии. Повторю, что сама по себе мирная инициатива Гобинда означала его готовность оставаться в рамках Могольского султаната, занимая подчиненное положение по отношению к шахскому двору. На это указывает и его разъяснение своих действий в бейтах 21–22: он поднял саблю лишь потому, что Моголы не оставили ему выбора, принудили его обороняться. Гуру не оправдывается, но пытается убедить шаха, что способен быть лояльным подданным, зависимым князем – только не надо доводить сикхов до крайности. Десятый гуру не был последовательным сепаратистом, не мыслил политию сикхов вне всеиндийской (Могольской) империи.

Гобинд не доверил текст “Зафарнамы” прибывшим с Дайя Сингхом двум шахским посланцам, а вновь поручил ему съездить к шаху, дав ему в спутники сикха Дхарам Сингха. Кроме того, гуру хотел узнать реакцию шаха на письмо от своих людей.

Отправка Гобинд Сингхом посланий Аурангзебу с обвинениями удивительно напоминает эпизод из истории другой страны, когда представитель господствующего слоя, тоже вступивший в острый конфликт с ее правителем, писал ему редкие по откровенности обличительные письма. Речь идет о посланиях князя Андрея Курбского царю Ивану Грозному (первое послание датируется 1564 г., второе и третье – 1579 г.). Конечно, серьезное отличие имеется: нельзя забывать, что послания Курбского – это письма опального князя, который уже сошел с политической сцены и главная цель которого – разъяснить свои прошлые поступки и досадить царю хотя бы словесно, тогда как Гобинд писал еще в разгар своей борьбы с Моголами, его “Сказания о победе” были призваны решить практическую задачу – изменить курс шаха в отношении сикхов. И все же сходство тематики и выражений налицо. Увидеть их поможет таблица.

Невзирая на обмен посланиями гуру с шахом, имперские власти Панджаба продолжали преследовать сикхов, и в мае 1705 г. между сикхским отрядом и войском Вазир-хана произошло

Схожие места в посланиях гуру Гобинд Сингха шаху Аурангзебу и князя Андрея Курбского царю Ивану Грозному

Тема	Гобинд Сингх	Андрей Курбский
Перспектива расплаты за злодеяния на том свете	Побойся ты бога – тебе мой совет (“Зафарнама”, 70). Когда нам черед пред всевышним предстать, Придется тебе там свидетелем стать (“Зафарнама”, 81)	Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным судьей... (1-е послание). И размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными... (2-е послание)
Перспектива расплаты за злодеяния на этом свете	По милости божьей, окончив труды, Обрушу я ливень железной воды. На чистой земле нашей эта вода От царства того не оставит следа. Декан твою жажду, шах, не утолил. В Меваре ты горькую чашу испил. Сюда ныне взор обратил ты, но тут Те жажда и горечь опять тебя ждут (“Фатехнама”, 9–12). Ведь жив лев свирепый – в укрытьи сидит; Жестоко за них он тебе отомстит (“Фатехнама”, 15). Убил всех детей ты, гонясь за отцом; Цела та змея, что свернулась кольцом. Чего ж в том, что несколько искр погасил? Скорее ведь масла ты в пламя подлил (“Зафарнама”, 78–79)	Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины... и не радуйся этому, словно легкой победой похваляясь... (1-е послание). ...Уж тем более должны погибнуть со всем домом своим те, которые не только составляют невыполнимые законы или уставы, но и опустошают свою землю и губят подданных целыми родами... (3-е послание)
Неуязвимость человека, который пользуется защитой бога	Когда ж на кого ляжет феникса тень, Вреда ему вовсе не будет в тот день. И если у льва за спиной он сидит, Никто и никак ему не навредит (“Зафарнама”, 16–17)	Лучше, подумал я, возложить надежду свою на всемогущего бога... (2-е послание)
Обличение тирании адресата	Правленье начав свое с этих злых дел, В строительстве царства ты не преуспел (“Фатехнама”, 8). По милости бога ты сел на маснад – Твои ж справедливость и вера дивят. Ты править привык, полагаясь на плеть. И власть твою надо сто раз пожалеть (“Зафарнама”, 66–67). Пощады не зная, лить кровь прекрати... (“Зафарнама”, 69). Пока же ты в этом едва ль преуспел – Ведь ты совершил слишком много злых дел (“Зафарнама”, 85)	Остался ты по своему прескверному произволению в своей фараонской непокорности и в своем ожесточении против бога и совести... А лютость твоей власти погубила не одного Непотиана и двух других невиновных, а и многих воевод и полководцев... (3-е послание). Погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии... (3-е послание)

Тема	Гобинд Сингх	Андрей Курбский
Обвинение в трусости	В богатстве своем ты купаться привык, От ратного дела, как видно, отвык (“Фатехнама”, 23)	Ныне же вместе со всем своим воинством ты в лесах прячешься, как хоронится одинокий беглец, трепещешь и скрываешься, хотя никто и не преследует тебя... (3-е послание)
Обличение окружения правителя	Обман и лукавство нам ясно видны. Бахши и диваны твои – все лгуны (“Зафарнама”, 14)	Вместо избранных и достойных мужей, которые не стыдясь говорили тебе всю правду, окружил ты себя сквернейшими прихлебателями и маньяками... (3-е послание)
Призыв встать на путь истинный	И мне на Коране ведь слово ты дал, Сдержи же, сверши, что тогда обещал. Тебе надо к мудрости путь отыскать И выполнить то, что успел ты начать (“Зафарнама”, 76–77)	Покори и подчини в себе звериную часть божественному образу и подобию... Очнись и встань! Никогда не поздно, ибо самовластие наше и воля... не отнимется от нас ради перемены к лучшему (3-е послание)

сражение при Кхидране. После этого Гобинд сделал своей ставкой местечко Талванди Сабо, куда потянулись сикхи со всего Панджаба. Однако в октябре 1706 г. он, несмотря на предостережения учеников, отправился всего с четырьмя спутниками на юг, в сторону Раджпутаны. Есть версия, что гуру рассчитывал установить контакты с *раджпутами* и даже маратхами, которые воевали с Моголами порознь, и объединиться с ними против империи. Однако это маловероятно.

Правдоподобнее другая версия. Аурангзеб на далеком Декане получил “Зафарнаму” Гобинда (он сам упоминает об этом в своих записках “Ахкам-и-Аламгири” – “Приказы Аламгира”). Прочитав послание, шах окончательно понял, что сикхов не сломить, с ними лучше договориться. Гобинд оказался мастером не только сабли, но и психологической войны, своей цели “Зафарнамой” он достиг. Сикхи “дожали” империю: шах велел *назиму* (наместнику) Лахорской *субы* (провинции) Муним-хану прекратить военные действия против них, а Гобинду со специальным посланцем отправил письмо, в котором писал о своей старческой неспособности прибыть в Панджаб самому, поэтому просил все же приехать к нему на Декан – в Ахмаднагар, куда он перебрался из Аурангабада в январе 1706 г. Гобинд, со своей стороны, понял, что это шанс найти управу на фауджара Сирхинда Вазир-хана как на непосредственного обидчика сикхской общины. Он выехал на юг, к Аурангзебу. Однако встретиться им было не суждено.

20 февраля 1707 г. Аурангзеб в возрасте 89 лет умер. Сикхская версия гласит, что в могилу его свела именно “Зафарнама”, – будто бы он слег от раскаяния в содеянном в отношении сикхов. Некоторое преувеличение тут возможно, но широко известны строки письма Аурангзеба к сыновьям незадолго до смерти: “Я не знаю, кто я, где я, куда мне идти и что ждет такого грешника, как я... Аллах был в моем сердце, но я не увидел его. Я не знаю, как меня примут при дворе Аллаха. У меня нет надежд на будущее, я совершил много грехов и не знаю, какое наказание понесу за них”. Представляется, что вклад – и немалый – в такое умонастроение умирающего шаха “Зафарнама” могла внести. Аурангзеб считал себя правоверным мусульманином и (почти) образцовым исламским правителем: вел скромный образ жизни, запретил при своем дворе музыку как отвлекающее от помыслов об Аллахе развлечение, собственноручно переписывал весьма чтимый им Коран. И тут шаха обвиняют в нарушении клятвы на этой книге! А ведь в глубине души он знал, что обвинение справедливо. “Могу я тебе передать тот Коран, // Где в виде обета записан обман...”. Кроме того, на шаха в самом деле могло подействовать то, что Гобинду неизменно удавалось выходить целым и невредимым из всех вооруженных конфликтов. Шах мог воспринять это как знак свыше. И этот человек напоминал ему о божьей каре: “Пощады не зная, лить кровь прекрати – // От божья меча ведь тебе не уйти”. С учетом психологии Аурангзеба “Зафарнама” вполне могла потрясти и деморализовать его. На это Гобинд и рассчитывал. А может, перестарался?

После смерти Аурангзеба Гобинд Сингх руководствовался принципами, которые изложил в "Зафарнаме". В ходе обычной в истории Могольского султаната междоусобной войны принцев он, по сути признавая себя зависимым от империи князем, оказал военную помощь одному из претендентов за престол, Муаззаму, который и одержал верх, став Бахадур-шахом. Зная его умеренность и религиозную терпимость, сикхский гуру надеялся на претворение в жизнь набросанного в поэме проекта могольско-сикхского сосуществования. Бахадур-шах, со своей стороны, подхватил инициативу Аурангзеба и тоже был готов к диалогу. Он пригласил Гобинда к себе в Агру, потом поехал, сопровождаемый им, на юг. Однако влияние гуру при дворе не понравилось многим вельможам, и в Нандерхе в Центральной Индии Гобинд Сингх в октябре 1708 г. пал от руки наемного убийцы Вазир-хана, на которого пытался найти управу у шаха. В сикхской истории десятый гуру был последним гуру-человеком, завещав почитать в качестве гуру священное писание – Ади Грантх.

Противоречия сикхов, и в частности составлявшей их костяк прослойки земле(вла)дельцев-джатов, с могольской элитой быстро обострялись. В Панджабе это был частный случай проявления общего для Индии конца XVII – первой половины XVIII в. процесса укрепления социально-экономических позиций сельских элит (*заминдаров*) по отношению к империи. В рамках концепции "двухэтажной собственности" Л.Б. Алаева то была борьба "податных собственников" с "верховными собственниками" за соотношение долей их власти и контроля над ресурсами (см.: [Алаев, 2003, с. 247–249]). Мученичество Гобинд Сингха стало катализатором нового подъема борьбы сикхов против империи. Его преемник во главе хальсы – Банда Бахадур – возглавил беспрецедентное по масштабу восстание, в ходе которого сикхи создали (пусть ненадолго) свое первое уже целиком независимое княжество.

Персидские поэмы-послания гуру Гобинд Сингха могольскому шаху Аурангзебу представляют собой выдающийся пример ведения в Индии начала XVIII в. психологической войны. Будучи разносторонне одаренным человеком, последний гуру сикхов вел против Моголов борьбу не только с помощью сабли и стрел, но и силой слова. Как показала история, Моголы во втором аспекте борьбы явно проигрывали. (Дальнейшая история империи продемонстрировала, что проиграли они и в первом аспекте.) Послание "Зафарнама" стало эффектным и эффективным аргументом, который окончательно убедил центральную власть в необходимости примириться с сикхами как с реальной силой в Панджабе. И хотя позднее империя еще не раз возобновляла репрессии против хальсы, реакция последнего из по-настоящему Великих Моголов – шаха Аурангзеба – весьма показательна: даже он, делавший упор на силовые решения стоявших перед империей проблем, был вынужден признать, что с сикхами этими методами не справиться. Поэтические письма последнего гуру сикхов стали одной из их первых психологических побед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алаев Л.Б. *Средневековая Индия.* СПб.: Алетейя, 2003.

Гуру Гобинд Сингх. *Зафарнама* (текст на фарси). www.zafarnama.com

Гуру Гобинд Сингх. *Фатехнама* (текст на фарси). www.zafarnama.com

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. (Серия "Литературные памятники"). Л.: Наука, 1979.

Религия сикхов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Фурсов К.А. *Львы Пятиречья: сикхи – великие воины Азии.* М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011.

Stein B. *A History of India.* Oxford: Blackwell, 1998.